

DOI: 10.33184/dokbsu-2026.2.17

Проблемы и принципы перевода терминологии в английском юридическом дискурсе: концептуальная асимметрия в правовых системах и ее отражение в переводческих стратегиях

О. И. Габуня^{1*}, Н. Ф. Ежова^{1,2}

¹Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина
Россия, 125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9.

²Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Россия, 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6.

*Email: ogabunia@gmail.com

В настоящем исследовании на материале аутентичных текстов британского юридического дискурса (нормативно-правовые акты, договоры, судебные решения) рассматривается проблема преодоления **концептуальной асимметрии** при переводе правовой терминологии на русский язык. Научная новизна работы заключается в разработке трехуровневой классификации переводческих проблем (лингвостилистические расхождения, частичная эквивалентность, концептуальная безэквивалентность), основанной на степени дивергенции институтов общего права (*Common Law*) и континентального права (*Civil Law*). Доказано, что выбор оптимальной переводческой стратегии и техники (от устоявшегося калькирования до применения функционального аналога и экспликативной транскрипции) строго детерминирован уровнем **концептуальной асимметрии**. Разработанная модель алгоритмизирует процесс принятия переводческих решений и минимизирует риски прагматической адаптации правовых реалий.

Ключевые слова: юридический перевод, английский юридический дискурс, сопоставительная лингвистика, концептуальная асимметрия правовых систем, общее право (*Common Law*), континентальное право (*Civil Law*), переводческие стратегии и техники, функциональная эквивалентность, юрислингвистика, правовой концепт, концептуальная лакуна, безэквивалентная терминология, правовая реалья, правовая семья.

1. Введение

В условиях глобализации и расширения международного сотрудничества в правовой, экономической и политической сферах владение англоязычной юридической терминологией становится критически важной компетенцией для юристов. Диверсификация областей применения юридических знаний – от транснационального консалтинга

до межгосударственных отношений – детерминирует повышенные требования к лингвоправовой компетенции специалистов, позволяющей не только грамотно выражать свои мысли, но и эффективно участвовать в экономической, политической и правовой сферах современного общества. Данный навык является необходимым условием интеграции правоведа в современные мировые процессы.

Однако перевод юридических текстов не сводится к простой замене лексических единиц одного языка эквивалентами другого. Юридический язык неразрывно связан с правовой системой, в которой он функционирует. Поэтому успешный перевод невозможен без глубокого понимания не только лингвистических, но и системно-правовых различий между англосаксонской и континентальной правовыми традициями.

Научная проблема исследования заключается в том, что английский и русский юридические дискурсы принадлежат к разным правовым семьям: англосаксонской (общее право, *Common Law*) и континентальной (романо-германское право, *Civil Law*), что порождает **концептуальную асимметрию** – отсутствие прямых соответствий для ключевых правовых понятий. Научная новизна заключается в разработке **трехуровневой классификации** переводческих проблем, основанной на степени концептуальной обусловленности расхождений между двумя правовыми семьями, а также в демонстрации зависимости выбора переводческой стратегии от типа концептуальной асимметрии: а) семантической асимметрии (несовпадение объема понятия), б) системной асимметрии (понятие существует в одной системе и отсутствует в другой), в) функциональной асимметрии (сходные по форме термины имеют разный правовой эффект).

Цель данной статьи – провести системный анализ и классификацию проблем перевода англоязычной юридической терминологии на русский язык, основываясь на степени их концептуальной обусловленности различиями правовых систем. В рамках исследования рассматриваются преимущественно термины, относящиеся к институтам частного и процессуального права англосаксонской системы, с акцентом на британскую правовую традицию.

Задачи исследования:

1. Выявить влияние специфики *Common Law* на формирование английской юридической терминосистемы.
2. Классифицировать типы переводческих трудностей (стилистические, концептуальные, лексико-семантические).
3. Разработать критерии оценки адекватности переводческих стратегий и техник применительно к различным типам концептуальной асимметрии.

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что достижение абсолютной семантической эквивалентности при переводе терминосистемы англосаксонского права на русский язык объективно невозможно ввиду фундаментальной асимметрии правовых институтов; в связи с этим достижение адекватности перевода требует перехода от принципа лингвистического дескриптивизма к принципу межсистемной функционально-правовой аппроксимации, где выбор стратегии диктуется уровнем концептуального расхождения.

Теоретическая значимость работы заключается в углублении представлений о природе юридического перевода как междисциплинарного феномена, находящегося на стыке лингвистики, переводоведения и сравнительного правоведения, в апробации конкретной теоретической модели на новом материале, выявление закономерностей, обогащающих сопоставительную лингвистику, в обогащении понятийного аппарата переводоведения, а также в разработке комплексной модели анализа юридического перевода, интегрирующей лингвистический и правовой подходы, с уточнением классификации переводческих трудностей на основе сопоставления правовых систем.

Практическая значимость заключается в возможности использования разработанной классификации и предложенных стратегий и техник перевода в учебных курсах по юридическому переводу (МГЮА, МГИМО, ВШЭ), при создании специализированных двуязычных юридических глоссариев и справочников для переводчиков, а также применения в практике нотариально удостоверяемых переводов юридических документов. Результаты исследования могут рассматриваться как практические рекомендации для переводчиков и преподавателей университетов.

2. Методология исследования

В настоящем исследовании применяется комплекс методов, позволяющих всесторонне проанализировать проблемы перевода англоязычной юридической терминологии. Основными методами являются:

Сравнительно-сопоставительный метод – позволяет выявить системные различия между англосаксонской и континентальной правовыми системами и их отражение в терминосистемах.

Концептуально-контекстуальный анализ – направлен на выявление глубинных концептуальных различий, лежащих в основе правовых институтов различных правовых семей, и выявление истинного значения правовых категорий.

Эмпирическую базу исследования составили специализированный сопоставительный корпус аутентичных англоязычных юридических текстов, включающих официальные источники «высших судов» Соединенного Королевства, а именно: официальный сайт

судебной системы Соединенного Королевства www.judiciary.uk и официальная база судебных решений BAILII (*British and Irish Legal Information Institute*) (преимущественно за 2020–2022 гг.), а также британские нормативно-правовые акты (типовые коммерческие контракты, а также их переводы на русский язык; кроме этого, специализированные юридические словари и справочники.

Каждый термин анализировался по схеме: 1) дефиниция в системе источника, 2) дефиниция в системе перевода, 3) выявление расхождений, 4) выбор стратегии и техники перевода.

3. Теоретические основы исследования: состояние проблемы в науке

Юридическая терминология – это набор специальных терминов и понятий, используемых в сфере юриспруденции для точного и однозначного описания правовых отношений, норм и процедур. Эта терминология является важным инструментом для юристов, судей, адвокатов и других специалистов в области права с целью обеспечения правильного толкования и применения законодательства.

Изменение реалий современного общества приводит к росту англоязычных заимствований в области юриспруденции, где основной причиной функционирования англоязычных терминологических заимствований является «интернационализация юридической терминологии», что приводит к расширению международных контактов, процессов и понятий в правовой сфере.

Английские заимствования выполняют, помимо номинативных, ряд прагматических функций: профессионально аттестующую, социально маркирующую и другие.

Проблемой исследования юридической терминологии в английском языке занимались многие ученые, среди которых К. М. Левитан, Т. П. Радион, М. В. Лутцева, И. В. Зуева, А. С. Пиголкин, Г. Х. Шамсеева и др.

Исследуя проблему специфики английской юридической терминологии, Г. Х. Шамсеева дает определение: «Юридический термин – это слово, или устойчивое сочетание слов, которое выражает волю законодателя, унифицированно употребляется в текстах нормативно-правовых актов, является обобщенным наименованием юридического понятия, имеющего точный и определенный смысл, характеризуется моносемантичностью и функциональной устойчивостью» [1, с. 180].

Г. Х. Шамсеева приводит следующие требования, предъявляемые к использованию юридической терминологии: (1) единственное точное содержание правового понятия, исключая неопределенность, вариативность и двусмысленность в формулировке понятия; (2) термин должен быть употреблен в прямом общеизвестном значении и взятого из контекста дополнительного смысла добавлять не должен; (3) термин должен

быть прост и иметь сферу активного употребления большинством; (4) употреблять устаревшие и не используемые в языке слова и словосочетания в качестве терминологии недопустимо; (5) употреблять в качестве термина лексические разговорные штампы и бюрократические обороты неприемлемо; (6) употребляемые термины должны быть стабильны и устойчивы в своем значении и сфере употребления; (7) термин должен быть кратко и лаконично сформулирован, но без потери в значении; (8) максимально сокращено использование в качестве терминов аббревиатур и сокращений, не вошедших в литературный язык; (9) чрезмерное использование в качестве терминологии большого количества заимствований при существовании аналога недопустимо [1, с. 181].

Специфической чертой англоязычной юридической терминологии является использование латинских заимствований. Латинские выражения часто используются в оригинале в нормативных актах и судебной практике, не требуя перевода, придавая юридическим документам и процессам определенный вес, формальность и авторитет. Наличие большого количества латинских заимствований в области юриспруденции определяет латинское происхождение английской терминологии, и, следовательно, возможность соотнесения английской терминологии с принципом единства и системности, что исключает вариативность понимания и употребления. Вплоть до настоящего времени в английском языке сохранилось большое количество латинских выражений: *ad hoc* (создаваемый для данной специальной цели), *de facto* (фактически, в реальности, на самом деле), *de jure* (юридически, по закону), *ipso facto* (в силу самого факта), *inter alia* (в числе прочего), *per annum* (ежегодно), *pro forma* (для соблюдения формальности), *pro rata* (пропорционально, соразмерно), *sui juris* (действующий по собственному праву), *sui generis* (единственный в своем роде), *et alii* (и прочие), *id est* (i.e. = то есть), *per se* (само по себе, по сути), *sic* (именно так! – указание на полное/точное соответствие оригиналу), *versus* (*vs. or v.*) (против), *bona fide* (добросовестный, честный; истинный), *ultra vires* (с превышением полномочий; вне компетенции). (См. также ниже табл. 2).

Англоязычная терминология претерпела многовековое воздействие не только латыни – также старофранцузского языка, что привело к появлению терминологических дуплетов, так называемых биномиалов. Подобное появление дуплетов было обусловлено прежде всего тем, чтобы документ был понятен всем участникам процесса, т.к. после нормандского завоевания в Англии сложилась ситуация, когда знать и суды говорили на старофранцузском и латыни, а простое население – на англосаксонском (древнеанглийском). Как пример иноязычного влияния на английскую терминологию P. Butt, R. Castle приводят следующие примеры из судебной лексики: «*breaking and entering*» (English/French) – «взлом и проникновение», «*fit and proper*» (English/French) – «подходящий, соответствующий должности», «*lands and tenements*» (English/French) – «земли

и имущество», «*will and testament*» (English/Latin) – «завещание, последняя воля». Примерами английских дублетов также являются: «*without let and hindrance*» – «запрет на выезд» (для тех, кто находится под следствием), «*have and hold*» – «сохранять (вечно) право на обладание» [2, с. 26].

Некоторые авторы, например, Н. О. Курчинская-Грассо указывают на использование в английском языке устаревшей терминологии, или архаизмов: «более старые формы слов, такие как *hereof, whereby* (и другие производные, включая *-in, -after, -before, -with, -by, -above, -on, -upon*) используются в юридическом английском языке, прежде всего, чтобы избежать повторения имен или фраз» [3, с. 56]. Например, «*hereinafter referred to as*» (= *from this point in the text forward*), «including any right indicated *therein*» (= *somewhere in the document cited*), «an appeal against the declaration [...] is to be lodged within one month of service *thereof*» (= *from the time of the cited item*).

Кроме того, характерным для юридического языка является, по мнению Н. О. Курчинской-Грассо, положение о том, что «юридический английский язык использует сложную терминологию, которая незнакома неспециалисту (например, *waiver* (отказ от права и пр), *restraint on trade* (ограничение торговли), *restrictive covenant* (ограничительное условие)» [3, с. 48].

Одной из главных характеристик термина является его однозначность. Однако, по мнению Т. Е. Алексеевой и Л. Н. Федосеевой, возможны следующие варианты перевода:

- «*legal* – юридический (*legal adviser* – юрисконсульт), правовой (*legal document* – правовой документ), судебный (*legal costs* – судебные издержки), законный, имеющий законную силу (*legal owner* – законный владелец);

- *defendant* – ответчик (*respondent*), подсудимый (*accused*), обвиняемый (*culprit*)» [4, с. 346].

Свою позицию относительно требований употребления юридической терминологии в английском языке обозначили К. М. Левитан, С. В. Гринев-Гриневиц, А. С. Пиголкин и др. По их мнению, при переводе англоязычных терминов необходимо учитывать своеобразие грамматического строя языка, а также специфику историко-культурного наследия англоязычных стран, где юридические тексты были изначально созданы. Тем самым ставится вопрос об эквивалентности используемой англоязычной терминологии в юридических текстах.

В данной связи С. В. Гринев-Гриневиц выдвигает гипотезу о вариативности перевода специфической юридической терминологии в зависимости от влияния фактора, связанного с «социально-культурными и историческими особенностями развития каждого государства», что, по мнению автора, «неизбежно приводит к отсутствию полной

эквивалентности терминологии» [5, с. 246]. Следовательно, при использовании и переводе английской юридической терминологии необходимо учитывать лексико-грамматические особенности языков и сферу культурно-исторического наследия стран.

К особенностям употребления англоязычной терминологии М. В. Лутцева добавляет «стилистические характеристики юридического текста». По мнению автора, принадлежность юридического термина к жанру «официально-деловых текстов» предоставляет возможность дословного перевода термина. Вариативность понимания термина устраняется путем соотнесения стилистических контекстов употребления [6, с. 110]. Данное положение стало основанием для того, чтобы рассматривать способы безэквивалентного использования английской юридической терминологии в русском языке. Так для перевода английского юридического термина предлагается применять следующие техники:

- транскрибирование и транслитерация с кратким толкованием значения (*domicile, notary, easement*);
- калькирование («Хьюман Райтс Вотч» задокументировала, «Human Rights Watch»; «Amnesty International» основана, организация «Эмнести Интернешнл»);
- пословный перевод (Международный валютный фонд – *International Monetary Fund*, Международный альянс защиты интеллектуальной собственности – *International Intellectual Property Alliance*, Международный патентный институт – *International Patent Institute*, Европейский суд по правам человека – *European Court of Human Rights – ЕСПЧ*);
- описательный перевод, применение которого диктуется наличием английских юридических реалий.

Однако, употребление английской юридической терминологии в русском языке представляет при переводе ряд трудностей, и здесь можно выделить соответствующие группы:

- англоязычные термины, совпадающие с терминами в русском языке («*legal department*» имеет русский эквивалент «юридический отдел», «*legal support*» соотносится с русской фразой «юридическое сопровождение»);
- англоязычные термины, которые в русском языке отсутствуют, но имеют эквивалентный перевод («*implementation*», «*prolongation*», «*facilitation*» / «выполнение, реализация», «продление срока», «облегчение; помощь, содействие»);

- термины английского языка, обозначающие реалии, отсутствующие в русском языке (**compliance manager, compliance controller, compliance officer** (= должностное лицо, ответственное за обеспечение выполнения требований законодательства/закона), **compliance lawyer** (= юрист, ответственный за обеспечение выполнения требований действующего законодательства/закона);

- полисемия юридических терминов (**invoice** – счет-фактура, приходный счет, товарная накладная, реквизиты; *выставлять счет-фактуру, выставить счет, выписать накладную*; **claim** – иск, требование, претензия, рекламация; *требовать, заявлять*);

- употребление разностилевой лексики, от *обиходной речи* (в объяснении юридических понятий клиентам, в выступлениях юристов на публичных мероприятиях с целью облегчения понимания обсуждаемых вопросов для лиц, не имеющих юридического образования) до *официально-деловой*, ориентированной на точность и ясность (юридические документы – законы, договоры, судебные решения, иски – цель: обеспечение однозначности, исключение двусмысленности и возможность иного, чем требуемое толкования); от *стиля, ориентированного на убеждение и аргументацию* (судебные выступления адвокатов, прокуроров – цель: убедить судью/жюри в виновности/невиновности своей стороны), и *стиля, ориентированного на общение с широкой аудиторией*, например в правовой пропаганде (правовые брошюры/статьи, лекции для широкой аудитории с целью повышения правовой грамотности аудитории, разъяснения законов и правил), до *научно-публицистического стиля* научных статей с анализом правовых норм и исследований проблем права;

- группа терминов, перевод которых связан с метафорическим и идиоматическим значением термина в родном языке (**Nine Old Men** – Верховный суд США, «девять стариков» (пренебрежительное прозвище председателя и членов Верховного суда США, избираемых на пожизненный срок; впервые было употреблено Рузвельтом); **Christmas tree** – перегруженный поправками законопроект; **diplomatic privileges and immunities** – дипломатическая неприкосновенность; **shuttle diplomacy** – «челночная дипломатия» (возникновение термина связано с кратковременными поездками, особенно в страны Ближнего Востока, государственного секретаря США Генри Киссинджера в первой половине 1970-х гг.); **the silent majority** – «молчаливое/пассивное/безмолвствующее большинство», рядовые жители страны, не выражающие своих политических или иных взглядов открыто; **a failed state** – несостоявшееся/недееспособное/несостоятельное государство, государство-банкрот; **president-elect** – вновь избранный президент; избранный, но еще не вступивший в должность президент (США); **soft law** – «мягкое право» (правовые нормы, не носящие обязательного характера и не обеспеченные правовой санкцией); **a road map (to)** – «дорожная карта», (перспективный) план действий; **the rest is history** – остальное известно и др.);

- имплицитность термина, требующего описательной интерпретации. Как утверждает Л. А. Брусенская, «правильное употребление юридической терминологии в контексте нормативно-правового акта является основой высокого качества закона, стабильности его существования. Имплицитность в тексте – наличие скрытой, неявной информации в тексте закона. Это, во-первых, способ экономии языковых средств, а во-вторых, своеобразная составляющая права дозволения» [7, с. 111]. В текстах законов нередко используются такие словосочетания, как «в *иных случаях, предусмотренных законом*» или «если законом не установлен иной порядок» и другие, которые являются источником латентной информации и зачастую без которых обойтись невозможно, т.к. при формулировании положений закона законодатели учитывают определенное предполагаемое развитие общественных отношений и при помощи подобных языковых средств оставляют некое незаполненное пространство;

- новые реалии, ранее в родном языке не существовавшие (*верификатор* – англ. *verificator*, *декларант* – англ. *declarant*, *лицензиар* – англ. *lisenser*, *профайлер* – англ. *profiler*, *регрессант* – англ. *regressant*, *фидуциар*, *фидуциарий* – англ. *fiduciary*, *буллинг* – англ. *bullying*, *буллицид* – англ. *bullycide*, *to bully* травить кого-либо + *suicide* самоубийство), *столкинг* – англ. *stalking* преследование, домогательство), *хеппислеппинг* – англ. *happy slapping* = хулиганское нападение на прохожего группой подростков, во время которого один из хулиганов снимает происходящее на видеокамеру мобильного телефона).

На сложность перевода юридической английской терминологии указывают И. А. Жилина и М. Е. Панкратова. В частности, авторы отмечают такое явление как перевод терминологии, заключающей в себе «элементы метафоризации». Например: «*bare trust (naked trust)* (букв. голый траст) – пассивный траст, *beauty competition* (букв. конкурс красоты) – метод, используемый работодателем, предусматривающий заключение единого профсоюзного соглашения; *soft law* (букв. нежное право) – руководящие принципы поведения; *mere equity* (букв. простая справедливость) – право, затрагивающее имущество, которое менее существенно, чем «*equitable right*» или «*legal right*» (законное право) и т.д.» [8, с. 90–91]. Однако, как указывают авторы, варианты метафоризации при переводе юридических терминов в официальном толковании не имеют значительного распространения, но в неофициальном толковании права достаточно частотны.

В последние 15 лет юридический перевод выделился в самостоятельную междисциплинарную область – *юрислингвистику*. Это направление, развитое такими учеными, как Jean-Louis Souriau (Ж.-Л. Суриу) и в России – А. С. Пиголкиным и Н. К. Гарбовским, рассматривает право не просто как набор норм, а как специфическую знаковую систему, где язык является «телом права» («*le corps du droit*»): даже незначительное семиотическое искажение при переводе ведет к деформации правовой реальности [9, с.

18]. Таким образом, по мнению Н. К. Гарбовского, юридический перевод перестает быть чисто лингвистическим актом и становится **«ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫМ»** переводом, где переводчик действует внутри жестких рамок государственно-правовых институтов и где текст перевода должен обладать той же институциональной силой, что и оригинал. Институциональность накладывает вето на свободную интерпретацию, требуя от переводчика соблюдения «юридической преемственности» терминов [10, с. 343].

Смещение парадигмы в современном переводоведении, инициированное трудами Susan Šarčević (Сьюзан Шарчевич) и Deborah Cao (Деборы Као), ознаменовало переход от прескриптивного поиска абсолютной лексической эквивалентности к **КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОМУ ПОДХОДУ** с их революционной концепцией «ориентации на реципиента» (*receiver-oriented approach*) и теорией «функциональной эквивалентности» (*functional equivalence*) в праве. Суть этого смещения в том, что юридический перевод перестал быть **«зеркалом»** (копией слов) и стал **«ИНСТРУМЕНТОМ»** (созданием правового эффекта). S. Šarčević доказала, что важна прежде всего «идентичность правовых последствий» (*the same legal effects in practice*), а главная фигура теперь – конечный потребитель (*target recipient*), и именно ему должен быть понятен текст [11, с. 72]. Исследователь исходит из того, что в силу уникальности правовых систем абсолютных эквивалентов в праве почти нет [11, с. 233]. В этой парадигме юридический перевод – это институциональная коммуникация, процесс, протекающий в рамках институциональной среды (*within the framework of legal institutions*) [11, с. 55]. Переводчик фактически создает новый аутентичный текст, который должен обладать такой же **НОРМАТИВНОЙ СИЛОЙ**, как и оригинал, в рамках другой правовой реальности [11, с. 70]. Развивая идеи S. Šarčević, D. Cao акцентирует внимание на переводе как на «акте межкультурной правовой коммуникации», подчеркивая, что юридический перевод – это не просто поиск эквивалентов, а **ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПРАВОВОГО СМЫСЛА** в терминах и категориях правовой системы реципиента [12, с. 189].

Таким образом, как справедливо отмечает S. Šarčević, «в условиях межъязыкового взаимодействия идеал моносемантической разрушается из-за фундаментальных различий в правовых системах» [11, с. 232]. Чтобы верифицировать этот тезис и выстроить релевантную классификацию переводческих проблем, необходимо выйти за пределы сугубо лингвистического анализа и обратиться к истокам формирования макроконцептов *Common Law* и *Civil Law*, чей исторический генезис детерминировал не только институциональные, но и глубокие эпистемологические различия в самом типе правового мышления, что напрямую отражается в терминообразовании. Как будет показано далее, системообразующим фактором является концептуальная база самой правовой системы, что требует обращения к специфике английской терминосистемы в свете *Common Law*.

4. Специфика английской терминосистемы в свете *Common Law* и ее концептуальное отличие от *Civil Law*

Рассмотрев теоретические основы, перейдем к анализу специфики английской терминосистемы в свете *Common Law*. Несмотря на богатый эмпирический материал и существующие подходы к классификации переводческих трудностей, в основном ограничивающихся лингвистическим уровнем анализа и фокусирующихся на отдельных аспектах, в существующих работах отсутствует системная классификация проблем перевода, которая бы увязывала лингвистические явления с их правовыми причинами. В настоящем исследовании предпринимается попытка восполнить указанный теоретический пробел посредством подтверждения тезиса о том, что определяющим фактором переводческой асимметрии выступает не сугубо языковая специфика, а глубинная концептуальная база системы *Common Law*.

Следует отметить, что до 1066 г. все законы и в Англии, и в Европе составлялись на основе римского права и местных обычаев. По мнению историков, началом появления различий между двумя системами является завоевание Англии нормандцами, когда шел процесс формирования централизованной власти и становление феодального общества, что потребовало создания общего для всей страны права. Несмотря на заверения Вильгельма Завоевателя о сохранении англосаксонского права на основе римского права и обычаев, он занялся формированием абсолютно новой системы права [13, с. 24]. В континентальной Европе же после падения Римской империи правовой обычай смешивается с элементами римского права и канонического права.

Один из критериев классификации правовых систем, описывающий их характеристики, предложен Цвайгертом и Кетцем [14, с. 108]. Он включает в себя (1) историческое развитие правовой системы; (2) характерный способ правового мышления; (3) особые правовые институты; (4) источники права и их толкование и (5) мировоззрение.

Если применять данный критерий для сравнения *Common Law* и *Civil Law*, прежде всего, *Common Law* – это правовая традиция, развивавшаяся в Англии с XI в., чьи правовые принципы в основном излагаются в судебных решениях, касающихся конкретных фактических ситуаций, возникающих в спорах, рассматриваемых судами. К ключевым особенностям *Common Law* относится система права, основанная преимущественно на прецедентном праве, функционирующая посредством аналогии и иерархической доктрины прецедента [15, с. 102–103]. Кроме этого, фундаментальным для англосаксонской системы права является разделение права на *Common Law* (Общее право) и отдельную историческую ветвь права, возникшую для смягчения жесткости и формализма судов общего права, *Equity* (право справедливости), что чуждо для континентальной системы права [12, с. 189].

В отличие от *Common Law*, *Civil Law* возникло в Древнеримском праве, кодифицированном в «Своде законов» Юстиниана (528–534 гг. н.э.), которое получило развитие и в средние века. Это старейшая правовая традиция в западном мире, фокусирующаяся на правовых принципах. Юристы прослеживают их историю, определяют их функцию, устанавливают область их применения и объясняют их последствия с точки зрения прав и обязанностей. Здесь основным источником права является нормативно-правовой акт, или статут.

Романо-германская и англосаксонская правовые семьи являются в мире основными системами. Исторически они формировались приблизительно в один период, однако имеют существенные отличия, которые оказывают непосредственное влияние на право обеих правовых систем. Р. Давид и К. Жоффе-Спинози отмечали: «Английское право не знало ... обновления ни на базе римского права, ни в силу кодификации, что характерно для французского права и для других правовых систем романо-германской правовой системы. Оно развивалось автономным путем, контакты с Европейским континентом оказали на него лишь незначительное влияние» [15, с. 211]. Очевидно, что отличия были заложены в самом процессе формирования правовых систем.

Немаловажно подчеркнуть, что «если решающую роль в формировании романо-германской правовой семьи принадлежала средневековым университетам, где обязательно изучалось римское право, то основополагающую роль в становлении англосаксонской правовой семьи принадлежала судьям. В процессе урегулирования конкретных споров формировался судебный прецедент и ставший основой общего права в Англии» [16, с. 287].

По мнению О. К. Трубицына, «сущность этих двух традиций и их различие можно обозначить через противопоставление эмпиристического мировоззрения, свойственного англосаксам, и рационалистического мировоззрения остальных европейцев. Под рационалистическим мировоззрением здесь подразумевается такая мировоззренческая установка, когда основным средством познания и разработки планов практических действий выступает разум, теоретические методы и логические рассуждения. Эмпиристическое мировоззрение, не отрицая в принципе значения разума, отдает предпочтение опытному познанию, методу проб и ошибок, наблюдению, а не логическому выводу и доказательству» [17, с. 156]. Различия между этими типами мировоззрения проявляются в т. ч. и в юриспруденции, где существует разделение на два типа права – римское кодифицированное право, формирующееся дедуктивным образом (от общих положений к их конкретизации), и прецедентное право, исходящее из частных случаев и обобщающее решения суда по конкретным делам (подобно индуктивным методам, характерным для эмпирических методов исследования).

Эмпиристическое мировоззрение *Common Law* проявляется, например, в терминах, отражающих конкретные судебные процедуры (*discovery* – стадия судопроизводства, на которой стороны обмениваются документами для суда; *voir dire* – предварительное собеседование с лицом, выступающим в качестве свидетеля/ присяжного в суде с целью определения его компетентности давать показания/ рассматривать дело), тогда как рационалистический подход *Civil Law* порождает абстрактные системообразующие понятия (*правосубъектность, деликтоспособность*). Так, при переводе англосаксонских терминов *express contract* («явно выраженный (сформулированный) договор» – в устной/письменной форме) и *implied contract* («подразумеваемый договор» – договор, вытекающий из действия сторон или требований закона) возникает противоречие, так как в романо-германской правовой системе подобной классификации договоров не существует.

В англосаксонской и российской (континентальной) правовых системах различия в терминологии обусловлены фундаментальными расхождениями в источниках права (прецедент против кодекса) и концептуальном подходе. Термины, имеющие, казалось бы, одинаковое значение, могут не иметь прямого эквивалента или иметь совершенно разное правовое наполнение.

Таблица 1

Примеры терминологических различий

Англосаксонский термин	Российский эквивалент	Комментарии
<i>Equity</i> – в англосаксонском праве это набор правил, процедур и средств судебной защиты, которые исторически применялись в Суде лорда-канцлера (<i>Chancery Court</i>), существовавшего в прошлом параллельно с судами <i>Common Law</i> . Основная функция <i>equity</i> заключалась в предоставлении судье большей свободы (судейского усмотрения) для достижения справедливого результата в тех случаях, когда формальные правила <i>Common Law</i> приводили к несправедливости. <i>Equity</i> предлагает уникальные средства защиты, такие как судебный запрет (<i>injunction</i>), исполнение обязательств по договору в натуре (<i>specific performance</i>), устранение ошибок/недоделок (<i>rectification</i>) и пр.	В российской правовой системе, как и в других системах континентального права, <i>con-ceptio aequitas (лат.)/equity</i> в отдельную систему норм не выделяется и самостоятельным источником права, конкурирующим с писанным законом, не является, а остается общим принципом права и моральной категорией и используется судьями при толковании закона или в случаях пробелов в праве.	В англосаксонском мире <i>equity</i> – это технико-юридический термин для обозначения конкретной, исторически сложившейся части права, в то время как в российской системе это скорее философский и моральный принцип, который помогает обеспечивать соответствие между деянием и воздаянием в рамках закона.

Англосаксонский термин	Российский эквивалент	Комментарии
<p>Consideration – это не просто маркер возмездности, но и фундаментальное, строго обязательное условие (<i>essential element</i>) для обеспечения исковой силы простого договора. Это может быть действие, воздержание от действия или обещание. Без этого условия договор, как правило, юридической силы не имеет, за исключением случаев его оформления в виде документа <i>deed</i>.</p> <p>Выступает обязательным реквизитом действительности любого неформального договора.</p>	<p>Встречное предоставление – принцип возмездности договора (ст. 423 ГК РФ), который подразумевает, что сторона должна получить плату или иное встречное предоставление. Однако также распространены и действительны и безвозмездные договоры.</p> <p>Концепция «каузы» (<i>causa</i>) или <i>встречного предоставления</i> характеризует преимущественно возмездность, но не является единственным критерием действительности соглашения.</p>	<p>Договорное право демонстрирует глубокие концептуальные различия: англосаксонская система фокусируется на намерениях сторон и принципе свободы договора; российская система, основанная на ГК, содержит больше императивных норм и типовых конструкций.</p>
<p>Deed – благодаря своей официально-правовой форме и процедуре подписания – это формально-юридический документ, который имеет настоящую юридическую силу даже без <i>consideration</i>, (например, договоры дарения или создания траста).</p> <p>Специфика <i>Deed</i> (в отличие от <i>simple contract</i>) заключается в особой строгой форме подписания, что исторически заменяло требование печати и необходимость доказывать наличие <i>consideration</i>. Документ, составленный в строгой формальной форме (акт за печатью/ формальный договор).</p>	<p>В российском праве форма договора, как правило, от наличия печати не зависит (они отменены для большинства юридических лиц).</p> <p>Требуется соблюдение простой письменной или нотариально удостоверенной формы.</p>	<p>Специфика <i>Deed</i> заключается в соблюдении строгих процедурных требований к его оформлению (письменная форма, подписание в присутствии свидетеля, формальное вручение документа сторонам).</p>

Англосаксонский термин	Российский эквивалент	Комментарии
<p>Trust – траст, доверительная собственность, распоряжение имуществом на началах доверительной собственности – правоотношение, при котором учредитель передает имущество доверительному собственнику для управления им в интересах бенефициара. Особенность заключается в «расщеплении» собственности: управляющий обладает титулом по общему праву (<i>legal title</i>), а бенефициар – по праву справедливости (<i>equitable title</i>).</p>	<p>Траст – как иностранный институт – доверительная собственность; распоряжение имуществом на началах доверительной собственности – в российском праве прямого аналога нет. Может использоваться конструкция доверительного управления имуществом, но она концепцию траста покрывает не полностью. В российском праве доверительное управление имуществом – это правовой механизм (гл. 53 ГК РФ), при котором собственник, сохраняя право собственности, передает свои активы управляющему для получения дохода. Доверительный управляющий действует от своего имени, но в интересах учредителя, требуя соблюдения обязательной письменной формы договора, а для перехода права собственности на недвижимость – регистрации в Росреестре.</p>	<p>В отличие от континентального права, где право собственности едино, англосаксонская система позволяет разделить права на объект между управляющим и получающим выгоду. Концептуальное расхождение между <i>Trust</i> и <i>Доверительным управлением</i> (гл. 53 ГК РФ) состоит в том, что в Трасте к доверительному собственнику (<i>trustee</i>) переходит правовой титул (<i>legal title</i>), тогда как в РФ доверительный управляющий собственником имущества не становится. Различия между двумя системами в структуре права собственности обусловливает невозможность построения терминологического соответствия для понятия trust в русскоязычном правовом дискурсе.</p>
<p>Estoppel – принцип, запрещающий лицу оспаривать ранее сделанное им заявление.</p>	<p>В российском праве реализуется через принцип добросовестности или недопустимости противоречивого поведения (<i>venire contra factum proprium</i>); данный принцип закреплен в российском ГК РФ (п. 5 ст. 166 ГК РФ, п. 3 ст. 432 ГК РФ).</p>	<p>Эстоппель появился изначально в англосаксонском праве и из него перешел в международную практику.</p>

Англосаксонский термин	Российский эквивалент	Комментарии
<p><i>Barrister – Solicitor</i></p> <p>В Англии и Уэльсе существуют две отдельные профессии с разными функциями (<i>барристеры</i> имеют право защищать интересы клиента в любой судебной инстанции страны, а <i>солиситоры</i> подготавливают дела для барристеров и работают с клиентами).</p>	<p>В России – единый статус адвоката.</p>	
<p><i>Condition – Warranty</i> («<i>существенное – несущественное условие договора</i>») – различаются <i>conditions</i> (условия, нарушение которых дает право расторгнуть договор и взыскать убытки) и <i>warranties</i> (гарантии, нарушение которых дает право только на взыскание убытков, но не на расторжение договора).</p>	<p>В российском праве (ст. 432 ГК РФ) есть понятие «<i>существенные условия</i>» (без которых договор не считается заключенным), что не полностью тождественно <i>conditions</i> (нарушение которого ведет отказу от договора – <i>repudiation</i>). По общему правилу, нарушение договора дает право на его расторжение и возмещение убытков (если оно влечет для другой стороны ущерб, лишаящий ее того, начто она вправе была рассчитывать при заключении договора).</p>	<p>При переводе на русский язык требуется описательная экспликация: <i>conditions</i> как «<i>существенное условие договора, нарушение которого дает потерпевшей стороне право на расторжение</i>», а <i>warranties</i> – как «<i>простое/дополнительное условие, нарушение которого дает право лишь на подачу иска о возмещении убытков (damages)</i>».</p>
<p><i>Plea bargaining</i> – сделка о признании вины – это центральный элемент системы уголовного правосудия, когда прокурор и адвокат договариваются о признании вины в менее тяжком преступлении или о смягчении наказания.</p>	<p>В российском праве существует особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, который схож по духу, но имеет строгие ограничения (например, наказание не может превышать 2/3 максимального срока).</p>	<p>Это гибкий и основной механизм (особенно в США), который прямого и столь же распространенного аналога в России не имеет.</p>

Англосаксонский термин	Российский эквивалент	Комментарии
<p><i>Felony – Misdemeanor</i> (США) felonias / мисдиминор. Используется историческое деление на <i>felonies</i> (тяжкие преступления, караемые лишением свободы свыше года или смертной казнью) и <i>misdemeanors</i> (менее тяжкие преступления, обычно до года тюрьмы или штраф).</p>	<p>В российском праве, согласно ст. 15 УК РФ, преступления делятся на 4 категории по степени тяжести (наказания): небольшой (до 3 лет лишения свободы), средней (до 5 лет умышленные / до 3 лет по неосторожности), тяжкие (до 10 лет) и особо тяжкие (свыше 10 лет).</p>	
<p><i>Discovery</i> – стадия судопроизводства, на которой стороны обмениваются документами для суда / раскрытие документов – это более широкая и формализованная процедура обязательного обмена информацией и доказательствами между сторонами до суда. Действуют строгие <i>Правила доказывания (Rules of Evidence)</i>, особенно в суде присяжных, определяющие, какие доказательства допустимы (admissible), а какие нет (inadmissible), как например, <i>hearsay evidence</i> – показания с чужих слов.</p> <p>Неисполнение обязанности раскрытия может привести к серьезным санкциям.</p>	<p>В российском праве процедура ознакомления сторон с материалами уголовного дела происходит на стадии окончания предварительного расследования, подготовки или в ходе процесса, но <i>discovery</i> в англосаксонском понимании отсутствует.</p> <p>Правила доказывания менее формализованы, допустимость доказательств определяется судом, исходя из относимости и допустимости по закону.</p> <p>В России обязанность по доказыванию лежит на сторонах. Стороны представляют те доказательства, на которые ссылаются. Суд оказывает содействие в истребовании доказательств только в том случае, если сторона не может получить их самостоятельно и ходатайствует об этом (ст. 57 ГПК РФ, 66 АПК РФ).</p>	

Англосаксонский термин	Российский эквивалент	Комментарии
<p>Tort – деликт, гражданское правонарушение, влекущее ответственность (кроме нарушения условия договора).</p> <p>Исторически это система номинальных (частных) деликтов. Истец должен доказать, что его ситуация подпадает под конкретную категорию: нарушение владения (<i>trespass</i>), причинение неудобств (<i>nuisance</i>), небрежность/халатность (<i>negligence</i>), клевета (<i>defamation</i>) и пр. Если ситуация ни в один признанный деликт не вписывается, то в иске могут отказать.</p>	<p>В России гражданское правонарушение регулируется главой ГК РФ об обязательствах вследствие причинения вреда (гл. 59 ГК РФ); концепция обычно связана неразрывно с наличием реального вреда (ст. 1064 ГК РФ).</p> <p>В континентальном праве (Франция, Россия) существует принцип генерального деликта: вред, причиненный другому лицу, предполагается противоправным и подлежит возмещению, если закон не устанавливает иное.</p> <p>Истцу следует доказать факт причинения ему вреда, его размер, наличие причинно-следственной связи, а также, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого у истца возник ущерб.</p>	<p>Различия касаются не только терминологии, но и самой логики привлечения к ответственности.</p> <p>Кроме этого, различия касаются подходов к определению вины, целей ответственности, видов компенсации.</p> <p>В российском праве близким аналогом деликту можно считать иски о защите чести и достоинства, где компенсация морального вреда может быть взыскана за сам факт нарушения права, вне зависимости от материальных потерь.</p>
<p>Plaintiff/Claimant – Defendant.</p> <p>В гражданском судопроизводстве: <i>Plaintiff</i> (истец – США) или <i>Claimant</i> (истец – Великобритания) и <i>Defendant</i> (ответчик).</p> <p>В уголовном процессе <i>Defendant</i> (подсудимый/ обвиняемый).</p>	<p>В России стороны – это истец и ответчик (в гражданском процессе), Государственный обвинитель (Прокурор) и подсудимый/обвиняемый (в уголовном судопроизводстве).</p>	<p>Хотя перевод кажется прямым, в гражданском процессе США/ Великобритании (соствязательном) и России (где суд более активен в сборе доказательств) роли и процессуальный статус могут иметь особенности, которые в процессуальном праве напрямую влияют на ход судебного разбирательства и стратегию ведения дела.</p>

Таблица 2

Примеры различий в латинской терминологии

Латинские термины и максимы	Континентальное право	Англосаксонское право
<p>Латинская терминология функционирует как универсальный цемент, связывающий различные правовые системы через историю, подчеркивает связь современного права с древнеримскими правовыми традициями, обеспечивая при этом точность и единообразие ключевых юридических понятий.</p> <p>Создавая общую основу правового мышления, интеграция латинских терминов в национальные правовые системы приводит к различным объемам и способам применения, отражающим уникальную эволюцию каждой системы.</p>	<p>Россия, Германия, Франция:</p> <ul style="list-style-type: none"> • латинская терминология имеет особенно глубокие корни, так как эти системы сформировались путем прямой рецепции римского права; • основа кодификаций: принципы и структура римского права, выраженные на латыни, стали основой для национальных гражданских кодексов; • интегрированная лексика: многие латинские термины полностью интегрированы в национальное законодательство и используются как обычные юридические термины (<i>corpus delicti</i>, <i>status quo</i>). 	<p>Латынь также широко используется, хотя и в несколько ином контексте. Английское общее право развивалось параллельно с использованием латыни в судах и образовании.</p> <ul style="list-style-type: none"> • Прецедентное право: латинские правовые максимы (<i>maxims</i>), такие как <i>ignorantia juris non excusat</i> («незнание закона не освобождает от ответственности») или <i>habeas corpus</i> («ты должен представить тело»), служат руководящими принципами для судей при вынесении решений и формировании прецедентов. • Термины: ключевые латинские термины и фразы сохраняются для обозначения устоявшихся понятий и процедур.
<p>Maxima: Res Judicata</p> <p>Значение: «Решенное дело»</p> <p>Принцип заключается в том, что дело, однажды окончательно рассмотренное судом, не может быть предметом повторного разбирательства между теми же сторонами.</p>	<p>(Россия): принцип <i>res judicata</i> (закрепленный в процессуальных кодексах как свойство законной силы судебного решения) имеет более узкое и техническое применение. Оно обычно ограничивается только тем, что было непосредственным предметом судебного разбирательства и решения. Для его применения часто требуется строгое соблюдение</p>	<p>Доктрина <i>res judicata</i> имеет значительно более широкую сферу охвата, включая понятия <i>cause of action estoppel</i> (эстоппель по основанию иска) и <i>issue estoppel</i> (эстоппель по вопросу права). Это не только запрещает повторный иск, но и не позволяет сторонам в последующих процессах поднимать любые вопросы или возражения, которые могли быть, но не были заявлены в первом деле (<i>Henderson v Henderson</i>, 1950).</p>

Латинские термины и максимы	Континентальное право	Англосаксонское право
<p>Maxima: Ignorantia Juris Non Excusat</p> <p>Значение: «Незнание закона не является оправданием»</p> <p>Фундаментальный принцип, требующий от всех лиц соблюдения законов независимо от их фактического знания. Признается обеими системами, но ее практическая реализация отражает различия в доступности и характере права.</p>	<p>«тройного тождества»: сторона, предмета и основания иска.</p> <p>В дедуктивной системе – от общего к частному – судья применяет к конкретному факту абстрактную норму закона, защищающую стабильность закона и правовую определенность. Эффект «решенного дела» ограничен только сторонами спора и предметом иска.</p> <p>(Россия): Принцип поддерживается презумпцией официального опубликования и общедоступности законов (кодифицированное право). Ожидается, что граждане и юристы могут найти и понять соответствующую норму в кодексах.</p>	<p>В индуктивной системе – от частного к общему – судья изучает факты и выводит правило из предыдущих решений. Здесь это инструмент формирования прецедента, где установленный однажды факт становится обязательным элементом правовой реальности.</p> <p>В условиях прецедентного права, где закон создается и толкуется судьями в каждом конкретном случае, иногда сложнее определить «закон». Однако принцип остается в силе: от сторон ожидается знание установленных прецедентов, что подчеркивает важность профессиональной юридической помощи.</p>
<p>Jus Civile</p>	<p>Буквально «гражданское право». Относится к обширной кодифицированной отрасли права, регулирующей имущественные и личные неимущественные отношения между частными лицами.</p>	<p>Хотя сам термин <i>Civil Law</i> используется для обозначения континентальной правовой системы в целом (в отличие от <i>Common Law</i>), его латинский первоисточник <i>jus civile</i> в римском праве означал «право, присущее конкретному государству», в отличие от <i>jus gentium</i>, означавшего «право народов, общее для всех».</p>

Латинские термины и максимы	Континентальное право	Англосаксонское право
		В современной английской системе термин « <i>гражданское право</i> » (<i>civil law</i>) противопоставляется « <i>уголовному праву</i> » (<i>criminal law</i>).
<p>Corpus (как часть фразы)</p> <p>Corpus delicti</p> <p>Habeas Corpus</p>	(Россия): используется в выражении <i>corpus delicti</i> (букв. «тело преступления») = состав преступления), что означает совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих определенное преступление; наличие данных признаков – обязательное условие для привлечения к уголовной ответственности.	Используется <i>corpus delicti</i> с похожим значением. Однако более известна и фраза <i>habeas corpus</i> («ты должен представить тело»), которая входит в название судебного приказа (<i>Writ of Habeas Corpus</i>), требующего доставить задержанного в суд для проверки законности ареста. Эта процедура является ключевой гарантией неприкосновенности личности в странах англосаксонского права.
<p>Exitus – for issued legal writs – вручение судебного документа.</p> <p>Exitus letalis – (мед.) смертельный исход.</p> <p>Exitus acta probat – цель оправдывает средства.</p> <p>Pro defectu exitus – lack of descendants/issue – при отсутствии потомства.</p>	(Россия): этот термин (от латинского <i>exire</i> – « <i>выходить</i> ») в основном означает « <i>смерть</i> » (например, в контексте медицинских или страховых документов).	Значение гораздо шире и многообразнее. Слово может обозначать «детей, потомство»; «арендную плату»; «доходы или прибыль от аренды земли»; «вручение судебного документа» или «завершение судебного разбирательства».
<p>Maxima: Audi Alteram Partem</p> <p>Значение: «Выслушай обе стороны»</p> <p>Это базовый принцип справедливости на основе естественного права (Rules of Natural Justice), требующий предоставления каждой</p>	(Россия): принцип закреплен в процессуальном законодательстве как одно из основных прав участников процесса наряду с правом на защиту и принципом состязательности сторон. Он является важным, но рассматривается	Это не просто процедурное правило, а фундаментальный «принцип справедливости на основе естественного права» (<i>Rules of Natural Justice</i>), который суды применяют даже к административным органам, если закон прямо не предусматривает иное. Нарушение данного принципа

Латинские термины и максимы	Континентальное право	Англосаксонское право
стороне возможности быть заслушанной.	ваеся как часть процедурного права, установленного законом.	может привести к отмене решения, даже если оно было принято органом, формально не являющимся судом.

Приведенные выше примеры (табл. 1 и 2) показывают, что дословный перевод юридических терминов часто недостаточен и неточен, и для точного понимания требуется знание правового контекста обеих систем.

Таким образом, выявленные системные различия между правовыми семьями позволяют перейти к формулированию многоуровневой классификации проблем перевода, которая рассматривается в следующем разделе.

5. Систематизация проблем перевода англоязычной юридической терминологии

Предпринятый нами анализ позволяет перейти от перечисления «переводческих трудностей» к системной классификации и на основе корпуса текстов предложить авторскую классификацию проблем перевода, основанную на характере расхождений.

Уровень 1. Лингвостилистические расхождения

Данные проблемы не связаны с особенностями правовой системы, а связаны с лексическими, семантическими и стилистическими особенностями самого языка и требуют от переводчика не столько юридических, сколько глубоких лингвистических знаний и чувства стиля. К *Уровню 1* относятся случаи *полисемии, не выходящие за рамки одной правовой системы* и разрешаемые средствами лингвистического контекста; отсутствует концептуальная нагрузка, а переводческое решение не требует юридических знаний. На данном уровне расхождения можно разделить на (1.1) лексико-семантические (полисемия), (1.2) стилистические (метафоризация), (1.3), историко-языковые (архаизмы). Например:

Полисемия общеупотребительной лексики в функции термина: action, motion, party, charge, service.

Метафоризация: soft law, Christmas tree bill, shuttle diplomacy.

Терминологические дуплеты (биномиалы): will and testament, lands and tenements, fit and proper.

Архаичная и книжная лексика: использование наречий *hereto, thereof, aforesaid* в целях избежания повторов.

Сложные синтаксические конструкции: пассивные конструкции, распространенные предложения с множественными придаточными.

Стратегии и техники перевода: контекстуальный выбор эквивалента, калькирование (*soft law*), описательный перевод (*Christmas tree bill*), подбор идиоматического аналога (редко), нейтрализация.

Уровень 2. Частичная эквивалентность («ложные друзья переводчика»)

Термины существуют в обеих системах, имеют внешнее сходство или частичное совпадение значений, однако их концептуальный объем в двух системах различен. Автоматический перевод по словарю без учета контекста правовой системы может неизбежно привести к искажению смысла. К **Уровню 2** относятся случаи **полисемии, где выбор значения определяется принадлежностью термина к конкретной правовой системе.**

Примеры:

legal: может означать «юридический» (*legal adviser* – юрисконсульт), «правовой» (*legal document* – правовой документ), «судебный» (*legal costs* – судебные издержки) или «законный» (*legal owner* – законный владелец);

defendant: в гражданском процессе – «ответчик», в уголовном – «подсудимый» или «обвиняемый»;

attorney: «поверенный», «доверенное лицо»; (США) «адвокат», «окружной прокурор/прокурор округа» (*District Attorney* – в данном значении термин демонстрирует не столько частичную эквивалентность, сколько *концептуальное расхождение* – институт *District Attorney* прямого аналога в российской правовой системе не имеет; можно сказать, что данный пример целесообразней рассмотреть на границе Уровня 1 и Уровня 2);

magistrate: (Англия, Уэльс) *magistrate (Justice of the Peace)* – это, как правило, «неоплачиваемый судья, не имеющий юридического образования» (*lay magistrate*), рассматривающий преступления небольшой тяжести (*summary offences*); данный концепт кардинально расходится как с современным континентальным пониманием профессионального судьи, так и с историческим термином «магистрат» («сословный орган городского управления»), что делает транслитерацию недопустимой и требует перевода «мировой судья»; (США) – «судья-магистрат / федеральный магистрат» – отношения к понятию «магистрат» в русской терминологии также не имеет.

Стратегии и техники перевода: контекстуальный анализ, выбор вариантного соответствия, гиперонимический перевод (генерализация).

Уровень 3. Концептуальная безэквивалентность (правовые реалии / лингвокультурные лакуны)

Под концептуальной безэквивалентностью понимается полное отсутствие в правовой системе языка перевода соответствующего правового института или понятия, что создает семантическую лакуну, не устранимую традиционными переводческими приемами. Эти проблемы имеют внелингвистическую природу и обусловлены системно-правовыми или культурными различиями. Это наиболее сложный уровень, где термин обозначает реалию, отсутствующую в российской правовой системе.

Примеры:

Термины, обозначающие институты Common Law: *compliance officer, consideration, trust, equity, indictment* (обвинительный акт, обвинительное заключение; США – обвинительный акт, вердикт большого жюри о привлечении к уголовной ответственности и передаче дела в суд).

Термины, обозначающие профессиональные роли: *barristers – solicitors*. В российской системе подобного разделения профессии нет, что делает прямой перевод невозможным. Использование функционального аналога (например, *barrister* → адвокат) напрямую зависит от прагматики (скопоса) целевого текста. При переводе нормативно-правовых актов или процессуальных документов такая ошибка является прагматической ошибкой, нивелирующей институциональную специфику исходной правовой системы. В таких случаях транскрипция с комментарием обязательна. Однако в текстах информационного или публицистического характера для широкой аудитории использование аналога «адвокат» (с возможным уточнением «выступающий в судах высшей инстанции») может быть оправдан целью обеспечения коммуникативной доступности текста для реципиента-неспециалиста.

Термины, отражающие процедурные особенности: *discovery, voir dire*.

Стратегии и техники перевода: транскрипция/транслитерация (*траст, барристер, солиситор – устоявшийся эквивалент*) с **обязательным** (во избежание потенциальных рисков при переводе) **описательным переводом, калькирование с описанием** (*handed down judgment – «вынесенное решение, являющееся обязательным»*), **переводческий комментарий** как самостоятельная стратегия (в сноске/тексте) (*approved judgment/ judgment approved – решение суда по апелляции оставлено в силе, является для сторон окончательным и обязательным – ср. постановление судебной апелляционной инстанции, вынесенное в форме апелляционного определения ГПК РФ ст. 329*) [18, с. 21],

прием лексического добавления с указанием на правовую систему-источник («*барристер (адвокат высшей категории в системе английского права)*»), выбор функционального аналога (с ограничениями, т.к. он может вводить в заблуждение) (*costs ruling – «постановление суда по вопросу о судебных расходах» – ср. дополнительное решение суда по вопросу о судебных расходах – соотнесение с ГПК РФ ст. 201*) [18, с. 20].

Приоритет в выборе стратегии и техники перевода: 1) устоявшийся «эквивалент», 2) описательный перевод, 3) транскрипция + комментарий.

6. Анализ переводческих стратегий и техник на практическом материале

В качестве примера разрешения переводческих трудностей можно рассмотреть представленный ниже вариант перевода текста, посвященного профессии юриста в Соединенном Королевстве и содержащего ряд юридических терминов, представляющих определенный интерес для переводчика. В свое время данный текст использовался в качестве экзаменационного материала для студентов-юристов. Анализ переводческих решений показывает, что одной из важных задач является максимальное избегание калькирования и соблюдение тема-рематических отношений, а также выбор вышеупомянутых переводческих стратегий и техник.

Текст:

There are three different **jurisdictions** (1) (England and Wales, Scotland & Northern Ireland) in the United Kingdom. Within these **jurisdictions** (2) there are two main types of lawyers, namely **barristers** (3) (called **advocates** (4) in Scotland) and **solicitors** (5). Two main types of law apply, namely **the common law** (6) and **Scot's law** (7). In all three jurisdictions the legal professionals are **self-regulated** (8), and membership of their professional bodies is mandatory.

Перевод авторов:

В Соединенном Королевстве выделяются три **территориально-правовые единицы** (1) – Англия и Уэльс, Шотландия, Северная Ирландия, где в основном применяются два основных вида правовых систем: **Общее право** (6) и **право Шотландии** (7). Во всех трех **юрисдикциях** (2) существуют две профессии юриста – **солиситоры** (5) и **барристеры** (3) (в Шотландии последних называют термином “**advocates**” – «**адвокатами**») (4), которые **осуществляют свою деятельность независимо от государственных органов в рамках своих профессиональных организаций** (8). При этом статус члена профессиональной корпорации является **обязательным условием осуществления их деятельности (рема)**.

Анализ перевода:

В данном примере применена комбинация стратегий и техник перевода:

- **jurisdictions** → «территориально-правовые единицы» (1).

Выбран **описательный перевод**. Термин *jurisdiction* в англосаксонском праве полисемичен. В данном макроконтексте оптимальным вариантным соответствием является именно это, т.к. в данном контексте речь идет не о процессуальной подсудности или подведомственности, а о территориях с собственными правовыми системами и, следовательно, источниками права. Это решение корректно решает проблему **Уровня 2** (частичная эквивалентность). Однако **в примере (2)**, после того как смысл термина описан, вполне приемлемо использовать **транслитерацию** – «юрисдикции».

- **barristers and solicitors** → «солиситоры и барристеры» (3) (5).

Использована **транскрипция (заимствование)**. Это единственно верная стратегия для реалий **Уровня 3** (концептуальная безэквивалентность), так как функциональные аналоги («адвокат», «юрисконсульт») специфики британской системы не передают. (Комментарий об оценке допустимости употребления функционального аналога см. выше).

- **advocates** – «адвокаты» (4).

Выбран **функциональный аналог**; данный термин в Шотландии имеет значение «*адвокаты высшего ранга*», однако в данном контексте не является определяющим и, следовательно, данный категоризирующий элемент может быть опущен.

- **the common law** → «общее право» (6).

Применено **устоявшееся калькирование**, которое в российском правоведении само стало термином.

- **self-regulated** → «осуществляют свою деятельность независимо от государственных органов в рамках своих профессиональных организаций» (8).

Применен **описательный (эспликативный) перевод**, точно передающий данный концепт и раскрывающий суть правового принципа. (the Law Society – Профессиональное сообщество солиситоров; the Bar – Коллегия барристеров).

Текст (продолжение):

In England and Wales there are very few **areas of legal practice that are reserved for** (9) **the legal professions** (10). This means that **anyone** (11) can, in principle, provide **legal advice** (12).

It is this general rule (13) that allows foreign legal practitioners (14) to work in the UK (subject to immigration rules) (15). The use of the titles “solicitor” or “barrister” in England and Wales however is reserved (16) to those who are duly qualified (17). The other reserved areas (18) include conducting litigation (19), drawing up court documents (20), rights of audience (21), and some aspects of property transfers and succession. This means that *law students* (рема) are entitled (as are others (22)) to give legal advice (23).

Перевод авторов (продолжение):

В Англии и Уэльсе существует очень мало сфер юридической практики, отнесенных к исключительной компетенции (9) юристов (10). Это означает, что, в принципе, любой человек (11) может предоставлять юридические консультации (12). Именно согласно установленной правовой норме (13), приезжающие в Соединенное Королевство практикующие юристы (14) – при условии соблюдения требований иммиграционного законодательства (15) – могут получить работу по соответствующей профессии. Однако правооснованием называться «солиситором» или «барристером» (16) в Англии и Уэльсе является наличие должного уровня юридического образования (или наличие должной профессиональной квалификации / уровня профессиональной подготовки) (17). К другим сферам исключительной компетенции (18) относятся ведение судебных дел (19), составление судебных документов (20), право представительства в суде (или право на судебное представительство) (21), а также некоторые аспекты передачи прав собственности и наследования. Все вышесказанное означает, что консультировать клиентов по правовым вопросам могут (23) в том числе и (22) студенты-юристы (рема).

Анализ перевода:

- reserved areas → «сферы исключительной компетенции» (9) (18).

Здесь применен функциональный аналог, адекватно передающий смысл ограничения.

- the use of the titles “solicitor” or “barrister” is reserved to (16) → правооснованием называться «солиситором» или «барристером».

Изменена грамматическая структура – отглагольное существительное заменено на более сложную юридическую конструкцию.

- duly qualified → наличие должного уровня юридического образования / наличие должной профессиональной квалификации / уровня профессиональной подготовки) (17).

Здесь добавлена эксплицитная информация, которая в оригинале подразумевается коротким словом *qualified*; «развернули» смысл для ясности.

- **conducting litigation** → «ведение судебных дел» (19).

Использован подбор **устоявшегося эквивалента** в российской терминосистеме.

- **rights of audience** → «право представительства в суде» или «право на судебное представительство» (21).

Использован **функциональный эквивалент** – термин *audience* здесь является специфически юридическим, означающим не «аудиторию» или «аудиенцию», а «*слушание дела судом*». Перевод термина как «*право выступать в суде*» или «*право защищать интересы клиента в суде*» семантически корректен, однако звучит описательно и не в полной мере соответствует высокому регистру процессуального дискурса РФ. Для передачи термина применена стратегия поиска функционального эквивалента в процессуальном праве целевого языка – «**право на судебное представительство**» или «**право на представительство в суде**», что повышает конвенциональность переведенного текста.

Очевидно, что переход от буквализма к **интерпретативно-коммуникативному методу** – наиболее эффективный инструмент адаптации англосаксонских правовых концептов к российскому юридическому дискурсу. Исследование подтверждает, что успешная нейтрализация асимметрии требует не просто лингвистической подстановки, но глубокой концептуальной переработки текста для сохранения его юридической релевантности.

7. Заключение

Проведенный анализ подтверждает исходный тезис: ключевые проблемы перевода англоязычной юридической терминологии лежат не в плоскости лингвистики, а в области сопоставительного правоведения. Кроме этого, данное исследование подтверждает гипотезу исследователей P. Butt и R. Castle о вариативности перевода специфической юридической терминологии в зависимости от влияния фактора, связанного с «социально-культурными и историческими особенностями развития каждого государства», что «неизбежно приводит к отсутствию полной эквивалентности терминологии» [2, с. 26].

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, доказано, что переводческие трудности в англо-русском юридическом дискурсе обладают строгой иерархией. Разработанная авторами трехуровневая классификация позволяет надежно дифференцировать поверхностные лингвистические расхождения (полисемия, синтаксическая усложненность) от глубинных системно-правовых и лингвокультурных лакун, детерминированных концептуальной асимметрией эмпирического (*Common Law*) и рационалистического (*Civil Law*) типов правосознания.

Во-вторых, английская юридическая терминосистема неразрывно связана с концептами *Common Law* (прецедент, *equity*, специфическая структура судопроизводства), что при переводе на русский язык порождает системные концептуальные лакуны.

В-третьих, наибольшую практическую сложность представляют не архаизмы или латинизмы, а «ложные друзья переводчика» (*magistrate, attorney*) и безэквивалентные реалии (*trust, consideration*).

Наконец, выбор переводческой стратегии должен быть дифференцированным: для лингвостилистических расхождений (**Уровень 1**) допустимо калькирование или нейтрализация; для частичных эквивалентов (**Уровень 2**) необходим контекстуальный анализ и выбор вариантного соответствия; для преодоления концептуальных лакун (**Уровень 3**) оптимальным является использование функционально-институционального аналога (при совпадении прагматики целевого текста) либо сочетание транскрипции с экспликативным переводческим комментарием (для строго нормативных актов).

Таким образом, проблемами изучения юридической терминологии в английском дискурсе становятся особенности функционирования, понимания, употребления и перевода терминологии, требующие подробного изучения аспектов в рамках лингвистики, юриспруденции, сравнительного правоведения с учетом лексико-грамматических, стилистических, семантических реалий языка, а также культурно-исторических, социальных и мировоззренческих традиций обоих языков и обеих правовых систем. Следует помнить, как указывает С. В. Власенко: «Переводчик в сфере права поставлен в условия жесткой терминологической детерминации, где его лингвистическая креативность ограничена институциональным характером дискурса» [19, с. 45].

Литература

1. Шамсеева Г. Х. Специфика английской юридической терминологии // Вестник ИГЛУ. 2009. №2(6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-angliyskoy-yuridicheskoy-terminologii> (дата обращения: 01.05.2024).
2. Butt P., Castle R. *Modern legal drafting: a guide to using clearer language*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 26 p.
3. Курчинская-Грассо Н. О. Особенности и основные характеристики юридического английского языка // *Litera*. 2020. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-osnovnyye-harakteristiki-yuridicheskogo-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 04.05.2024).
4. Алексеева Т. Е., Федосеева Л. Н. Структурно-семантические особенности и способы перевода англоязычных юридических терминов: терминосистема уголовного права // БГЖ. 2019. №2(27). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskie-osobennosti-i-sposoby-perevoda-angloyazychnyh-yuridicheskikh-terminov-terminosistema-ugolovnogo-prava> (дата обращения: 04.05.2024).

5. Гринев-Гриневиц С. В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
6. Лутцева М. В. Английская юридическая терминология и способы ее перевода на русский язык // Вестник ВГУ, серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. №2. Ч.1. С. 110–113.
7. Брусенская Л. А. Лингвоюридические аспекты современной коммуникации // Правовая политика и правовая жизнь. 2011. №1. С. 111–115.
8. Жилина И. А., Панкратова М. Е. Процесс метафоризации в англоязычной юридической терминологии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. №3. С. 89–93. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsess-metaforizatsii-v-angloyazychnoy-yuridicheskoy-terminologii> (дата обращения: 04.05.2024).
9. Souriau J.-L. Jurilinguistique: Elements de terminologie et de redaction juridiques. Paris: Armand Colin, 1975. P. 18–20.
10. Гарбовский Н. К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. С. 343–345.
11. Šarčević S. New Approach to Legal Translation. Hague: Kluwer Law International, 1997. 308 p.
12. Cao D. Translating Law. Clevedon: Multilingual Matters, 2007. 189 p.
13. Рамазанов А. Х., Кахриманова К. Э. Тенденция сближения романо-германской и англосаксонской правовых семей // Вестник Дагестанского гос. ун-та. Серия 3. Общественные науки. 2022. Т. 37. Вып. 3. С. 54–60.
14. Цвайгерт К., Кетц Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: в 2-х тт. Т. I. Основы / пер. с нем. М.: Междунар. отношения, 2000.
15. Давид Р., Жоффре-Спинози К. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. М.: Междунар. отношения, 1999. 400 с.
16. Глазов Д. В. Выявление исторического процесса возникновения отличий регулирования договорных отношений в романо-германской и англо-саксонской правовых системах // Евразийский юридический журнал (Eurasian Law Journal). 2024. №3. С. 286–290.
17. Трубицын О. К. Различия англосаксонской и континентальной мировоззренческих традиций // Евразийский юридический журнал» (Eurasian Law Journal). 2025. №9(208). С. 156.
18. Габуня О. И., Кряжева А. Л. Сопоставительный анализ вербализации юридического понятия “*judgement/судебное решение*” в английском и русском языках (на примерах текстов судебных решений «высших судов» Соединенного Королевства Великобритании) // Доклады Башкирского университета. 2025. №3. С. 8–29.
19. Власенко С. В. Договорное право: практика профессионального перевода в языковой паре английский-русский. М.: Волтерс Клувер, 2006. 320 с.

Рекомендовано к публикации

кафедрой английского языка

Московского государственного юридического университета

им. О. Е. Кутафина (МГЮА).

Problems and principles of translating terminology in legal English discourse: conceptual asymmetry in legal systems and its reflection in translation strategies

O. I Gabunija^{1*}, N. F. Ezhova^{1,2}

¹*Kutafin Moscow State Law University
9 Sadovaya-Kudrinskaya st., 125993 Moscow, Russia.*

²*Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
6 Mikloukho-Maklay st., 11719 Moscow, Russia.*

**Email: ogabunia@gmail.com*

This study, making use of authentic texts of British legal discourse (regulatory acts, contracts, court decisions), examines the problem of overcoming conceptual asymmetry in the translation of legal terminology into Russian. The scientific novelty of the work lies in the development of a three-level classification of translation problems (linguostylistic discrepancies, partial equivalence, conceptual non-equivalence), based on the degree of divergence of the institutions of Common Law and Civil Law. It has been proven that the choice of the optimal translation strategy (from established calquing to the use of a functional analog and explicative transcription) is strictly determined by the level of conceptual asymmetry. The developed model algorithmizes the translation decision-making process and minimizes the risks of pragmatic adaptation to legal realities.

Keywords: legal translation, English legal discourse, comparative linguistics, conceptual asymmetry of legal systems, Common Law, Civil/Continental Law, non-equivalent terminology, translation strategies, functional equivalence, jurilinguistics, legal concept, conceptual gap/lacuna, legal realia, legal family.